

## ИНСТИТУЦИИ ГАЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ХРОНИКА НАУЧНОГО СЕМИНАРА (Павия, 11–29 января 2016 г.)

С 11 по 29 января 2016 года в г. Павии (Италия) состоялся очередной – тринадцатый – семинар по римскому праву, организованный Центром изучения и исследования древнего права Павийского университета (Centro di studi e ricerche sui Diritti Antichi – CEDANT) совместно с Almo Collegio Borromeo. В трехнедельном семинаре участвовал 21 специалист из университетов Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Франции и Швейцарии. Лекция каждого из них, длившаяся 3–4 академических часа, сопровождалась продолжительной дискуссией, участие в которой принимали не только другие лекторы, но и отобранные по конкурсу 15 молодых исследователей (от докторанта до профессора) из Великобритании, Германии, Голландии, Италии, Мексики, России, Хорватии, Чехии и Швейцарии. Общее руководство программой взяли на себя У. Бабюзе и Д. Мантовани. Семинар «Институты Гая: приключения бестселлера. Передача, использование и трансформация текста» был посвящен Институтам Гая, обнаруженным после многовекового забвения двести лет назад. Хотя круг обсуждавшихся вопросов соответствовал в основном канону, оформившемуся уже в XIX в<sup>1</sup>, многие участники семинара не только подвергали сомнению традиционные воззрения, но и открывали перспективы дальнейшего поиска. По итогам планируется издание сборника статей<sup>2</sup>.

О личности Гая мы знаем мало. Анализу доступных источников и основных гипотез была посвящена вводная лекция *Детлефа Либса* (Фрайбург). Ученый коснулся вопросов происхождения, гражданства и имени Гая, его образования, времени его жизни и датировки отдельных произведений, библиотеки и аудитории Гая, его языка, загадочного игнорирования современниками его творчества и не менее загадочного признания в 426 г.н.э. в так называемом законе о цитировании (CTh. I. 4. 3). Д. Либс пришел к заключению, что многое указывает на деятельность Гая в эллинистической среде<sup>3</sup>. Продолжительная дискуссия, в рамках которой вспомнили и предположения, что Гай был женщиной, христианином, рабом, вольноотпущенником и т.д., завершилась провокационным вопросом Д. Мантовани о том, к чему вообще способны привести разговоры о личности Гая, какое значение для наших представлений о римском праве может иметь то или иное решение этой загадки и заслуживает ли эта тема того внимания, которое ей традиционно уделяется в литературе?

Задачу определить место Институций (далее – И.) в корпусе произведений Гая поставила перед собой *Ульрике Бабюзе* (Цюрих). Рассмотрев вопросы, касающиеся перечня трудов Гая и связанные, прежде всего, с расхождениями между Флорентийским индексом и списком произведений, которые упоминаются в инскрипциях Дигест Юстиниана, она перешла к известным проблемам датировки и хронологии, многие из которых на сегодняшний день преодолены быть не могут. В частности, докладчица обратила внимание на отсутствие серьезных оснований у расхожего мнения, будто «*Res cottidianae*» написаны позднее И., а также отметила, что гипотеза о постоянном обновлении собственных текстов самим Гаем ни подтверждена, ни опровергнута быть не может. Главный тезис У. Бабюзе – отдельные произведения Гая, в частности И., могут быть лучше поняты, если взглянуть на весь его корпус как на неразрывное единство. Такой

<sup>1</sup> См. Dydynski 1891.

<sup>2</sup> О проекте, прежних семинарах и изданных материалах см. <http://cedant.collegioborromeo.eu/>. О седьмом семинаре и проекте в целом см. также Silvestrova 2009.

<sup>3</sup> Подробнее см. Liebs 2016.

подход позволяет объяснить и давно замеченное игнорирование Гаем в И. целого ряда важных тем (*temi assenti*): как правило, вопросы, оставленные здесь без должного рассмотрения, подробно разбираются в других произведениях Гая<sup>4</sup>, так что речь должна идти не об упущениях автора, а о сознательном распределении материала между разными работами. Стиль, подача материала и набор дидактических элементов в разных произведениях Гая едины. Гай реже других юристов высказывает собственное мнение по спорным вопросам, и такая сдержанность характерна не только для И., но и для других его трудов. Различия же между разными произведениями исчерпываются, в основном, кругом обсуждаемых в них тем.

Место И. в греко-латинской традиции учебной литературы с основным акцентом на структурах подачи материала и опосредующих их языковых средствах попыталась определить *Элиза Романо* (Павия). Следуя за программной монографией М. Фурмана<sup>5</sup>, она сопоставила И. со многими другими античными учебниками по разным областям знания и на десятках примеров продемонстрировала, где Гай зависим от традиции, а где отклоняется от устойчивых схем изложения.

Тему расположения материала в работах Гая продолжил *Федерико Батталья* (Цюрих). На нескольких примерах он показал, что в рамках отдельных элементов системы И. рассуждение структурировано как «лемматический комментарий»: сначала помещается фраза, описывающая общее правило («*regula*»), после чего дается комментарий, в рамках которого последовательно рассматриваются ее части; здесь же сообщается информация о мнениях юристов, императорских конституциях, постановлениях сената, касающихся комментируемого правила. Такая структура отражает логику развития правовой традиции: регулы — ее «конденсат», промежуточный итог, тогда как императорское нормотворчество или, скажем, мнения знатоков права — то новое, что вносит коррективы в установившийся порядок. Когда Ф. Книп пытался обнаружить в И. «*Grundstock*», т.е. текст, переработанную версию которого и представляют собой И<sup>6</sup>, то в качестве такового он на самом деле обозначал как раз регулы, отражающие сложившуюся до Гая традицию. Кроме того, использование Гаем структуры лемматического комментария во многом предопределило набор тем, подлежащих освещению: в каждом из разделов рассматриваются только те вопросы, которые напрямую связаны с той или иной частью регулы.

С лекций о грецизмах в произведениях Гая выступил специалист по античному билингвизму *Брюно Рошет* (Льеж). Подробный критический разбор историографии он вписал в контекст общих методологических проблем классической филологии на разных этапах ее истории. Конечно, нельзя отрицать влияния греческого на латынь, но в литературе оно нередко преувеличивается, для многих авторов «грецизмы» оказались легким способом справиться с труднообъяснимыми аномалиями. Если руководствоваться методологическими установками, прошедшими проверку в работах Э. Лефшета, к чему и призывает Б. Рошет («*Latinum ex Latino explicare!*»), значительная часть явлений, которые объявляют синтаксическими и фразеологическими грецизмами, обнаруживая их в том числе и в языке Гая, предстает результатом не заимствования, а внутреннего развития самого латинского языка. Аналогичные явления в латыни и греческом должны рассматриваться как свидетельства не влияния одного языка на другой, а их конвергенции, их параллельного развития в одном направлении (не «грецизмы», а «параллелизмы»). Многие из так называемых грецизмов в текстах Гая — в действительности элементы разговорного языка, народной латыни, к которой профессиональный язык юристов вообще был весьма восприимчив. Разговор о языке и происхождении Гая лектор дополнил обзором имеющихся сведений о распространении латыни и римского права в грекоязычных провинциях в первые века Империи.

Традиционное сопоставление И. с приписываемым Ульпиану *liber singularis regularum* (так называемыми *Tituli ex corpore Ulpiani*) провел *Дэвид Джонстон* (Эдинбург). По мнению ученого, *liber singularis* написан в период с 180 по 212 г.н.э., и его автором мог быть Ульпиан. Основные аргументы против — плохой стиль и примитивность изложения — сами по себе неубедительны, так как эти черты произведения вполне соответствуют его жанру (пособие для начинающих). Как бы там ни было, *liber singularis* написан позднее И., но, по-видимому, в значительной мере составлен из ингредиентов, относящихся к более раннему этапу институциональной традиции. Показательно, например, что там, где И. дают синтез *ius civile* и *ius honorarium*, распределяя материал по предметным рубрикам, а не по соответствующим пластам правовой системы, *liber singularis* предпочитает раздельное рассмотрение гражданского права и права магистратов.

<sup>4</sup> На это обратил внимание уже Р. Квадрато (Quadrato 1979).

<sup>5</sup> Fuhrmann 1960.

<sup>6</sup> Kniep 1910; 1911–1917.

О соотношении И. с другой книгой, известной как произведение Гая «*Res cottidianae sive aurea*», говорил *Йоханес Плачек* (Мюнхен). Были ли И. конспектом лекций, получившим хождение помимо воли Гая, а «*Res cottidianae*» — его более поздней авторской обработкой? Или И. — это сокращенная версия «*Res cottidianae*», изданная самим Гаем позднее? Представляли ли собой «*Res cottidianae*» дополнение к И., которое должно было использоваться наряду с ними? Или «*Res cottidianae*» появились в результате постклассической переработки И.? Й. Плачек был бы готов вместе с некоторыми другими учеными признать, что это два разных произведения одного автора, краткое — И. — и более пространное — «*Res cottidianae*» (по мнению ученого, они все же состояли из семи книг, хотя в «Дигестах» Юстиниана содержатся фрагменты только из первых трех), если бы ему удалось устранить сомнения, связанные с двумя расхождениями между текстами (D. 44.7.1.1/Gai. 3.89 и D. 44.7.4/Gai. 3.182). В ходе дискуссии этим различиям было предложено объяснение, поддержанное и самим докладчиком. Если в первом случае есть серьезные основания предполагать интерполяцию юстиниановских компиляторов, то второй вполне укладывается в концепцию, что И. — это учебное пособие для начинающих, написанное Гаем на базе его собственных «*Res cottidianae*», переработка которых шла по пути сокращения и упрощения, а также усиления дидактических элементов. Укладывается в эту концепцию и переход от более раннего и более сложного для восприятия деления оснований возникновения обязательств на три группы в «*Res cottidianae*» (D. 44.7.1pr.: ex contractu, ex maleficio, ex variis causarum figuris) к более простому двухчастному делению в И. (Gai. 3.88: ex contractu, ex delicto).

Лекция *Мишеля Эмбера* (Париж) была посвящена комментарию Гая к закону XII таблиц и месту этого закона в И. Названный комментарий относится к числу наименее цитируемых в Дигестах произведений (если сравнить количество включенных в компиляцию фрагментов с объемом оригинала). Все взятые оттуда фрагменты сохраняли актуальность для юстиниановского права, ни один из них не имел чисто исторического значения. Не видно особого преклонения перед древностью и в обхождении компиляторов с самим *fons omnis publici privatique iuris* (Liv. 3.34.6). Во-первых, ни в одном из включенных в Дигесты фрагментов закон XII таблиц прямо не цитируется. Во-вторых, ни одно из решений, изложенных в этих фрагментах, не опирается на авторитет самих XII таблиц, большинство из них подкреплены ссылками на греческие источники, на справедливость, на *veteres* и др. Обращаясь к XII таблицам в И., ученый сосредоточился не на прямых ссылках Гая на закон (эта работа проделывалась неоднократно), а наоборот — на случаях умолчания, на тех контекстах, в которых ссылки на XII таблиц отсутствуют вопреки ожиданиям. Анализ целого ряда текстов, взятых из И. и комментария к эдикту, привел М. Эмбера к заключению, что Гай последовательно придерживался методологических установок, сформулированных им в начале комментария к закону XII таблиц: рассмотрение каждого института начинать с его истоков (D. 1.2.1: *certe cuiusque rei potissima pars principium est*). Общий вывод по итогам обсуждения нескольких случаев умолчания: отсутствие ссылки на XII таблиц при освещении того или иного правила в И. свидетельствует о том, что в этом законе соответствующее положение не содержалось.

Папириологическому материалу, сохранившему отдельные фрагменты И., посвятил свою лекцию *Марко Фрессура* (Павия). Предметом обсуждения стали, в частности, расхождения между папирусами и Веронской рукописью. Детальный кодикологический и палеографический анализ Веронского палимпсеста представила в своей лекции *Серена Аммирати* (Павия).

*Филиппо Бригульо* (Болонья) рассказал о загадочной истории и длинной предыстории обнаружения Веронского палимпсеста, об этапах его расшифровки и инструментарии, к которому прибегали разные поколения исследователей, о сегодняшних трудностях работы с ним, связанных в значительной мере с его повреждением под воздействием сильных реагентов, и о способах их преодоления, о произвольных интерпретациях при расшифровке текста, надолго определивших представления о нем, а также о том, каких результатов в изучении палимпсеста добился и еще рассчитывает добиться сам докладчик, уже несколько лет экспериментирующий с разнообразными техническими средствами.

*Дарио Мантовани* (Павия) сделал сообщение о так называемой *Epitome Gai*, которую правильнее называть *liber Gai*, учитывая, что первое наименование в отличие от второго рукописной традиции неизвестно. Отчасти из-за того, что после обнаружения Веронского палимпсеста в 1816 г. И. почти полностью заслонили собой *liber Gai*, отчасти из-за неумения романистов, привыкших работать с фрагментами, давать оценку целному тексту не только источниковедческий анализ, но и качественное издание этого памятника остаются на повестке дня. Сопоставление с И. демонстрирует, с одной стороны, зависимость от них *liber Gai*, с другой — дистанцию между ними. Автор *liber Gai* отправляется в своих рассуждениях от текста И. и помогает читателю понять сказанное Гаем, — упрощая, сокращая и конкретизируя. Так, *liber Gai* не упоминает не

только о контроверзах между прокулианцами и сабинианцами, но и вообще о мнениях знатоков права, не называет конкретных законов, постановлений сената и императорских конституций, оставляет без внимания исторические и сравнительно-правовые экскурсы, которыми так богаты И. Кроме того, *liber Gai* отражает современное автору, более позднее состояние права. Это выразилось прежде всего в том, что в поле зрения *liber Gai* не попадают старые институты, рассматриваемые в И.: здесь нет ни слова о различении *ius civile* и *ius honorarium* и, соответственно, о *dominium duplex*, *bonorum possessio* и т.п., не говорится о *manus*, о мандипируемых и немандипируемых вещах и, соответственно, о *mancipatio* и *in iure cessio* и т.д. В лекции Д. Мантовани шла речь и о датировке и языке *liber Gai*.

*Хосе-Доминго Родригес Мартин* (Мадрид) говорил о комментарии к И., содержащемся в так называемых *Fragmenta Augustodunensia*. Ученый начал с обзора источниковедческой традиции, напомнив о подчеркнутом невнимании и даже презрении романистов к этому памятнику (ср., например, момзеновское *monstrum nostrum*), остановился на кодикологических и палеографических аспектах, на проблемах и современных технических средствах расшифровки палимпсеста, а также на недавних достижениях в этой области, на вопросах датировки как рукописи (IV–V вв.), так и текста. Осветив в общих чертах структуру, содержание и стиль источника, который представляет собой лемматический комментарий к И., Х.-Д. Родригес Мартин сосредоточился на его специфических чертах, на его характеристике как самостоятельного и самоценного памятника, а не как результата вырождения классической культуры, не способного адекватно ее выразить, а потому не достойного внимания. Предметом обсуждения стали ошибки автора комментария, его разъяснения относительно категорий, отсутствующих в И., ссылки на других юристов, оригинальные аргументы и сформулированные автором регулы. Автор указал на дидактические достоинства комментария и на его внутреннюю согласованность, подчеркнул, что его оценка во многих отношениях зависит лишь от угла зрения: в одних и тех же чертах можно видеть терминологические ошибки или творческое развитие рассуждений Гая, анахронизмы или классицизмы, грубые шутки или дидактические находки. Во второй части лекции ученый на примере *Gai*. 4.80–81 и *FA* 4.81–87 показал, как фрагменты могут быть использованы для восполнения лакун в И.

Подробный обзор следов И. в позднеантичных источниках, не ставших предметом отдельных лекций, представил *Ульрих Манте* (Пассау). Помимо *Collatio legum Mosaicarum et Romanarum*, на которой был сделан основной акцент, ученый обсудил ряд источников, обращавшихся к И. как на Западе (Сервий, Псевдо-Асконий, Боэций, *Lex Romana Burgundionum*, Исидор Севильский), так и на Востоке (Кодекс Феодосия, кодификация Юстиниана, Присциан Цезарейский, Псевдо-Филоксен, Псевдо-Кирилл). Свидетельства источников У. Манте последовательно сопоставлял с Веронской рукописью, рассматривая гипотезы относительно причин расхождений между ними, источников различных авторов, изданий И., которыми они могли пользоваться.

*Ульрих Айглер* (Цюрих) предпринял попытку продемонстрировать, что в действительности нет никаких оснований называть И. «бестселлером». Отправляясь от общих сведений об античном издательском деле, о переходе со свитков на кодексы, о копировании книг и об изготовлении палимпсестов, о переиздании античных произведений в эпоху «Каролингского возрождения», а также принимая во внимание судьбу И., ученый предложил относить их к числу произведений, которые не пользовались особым признанием публики и поэтому не имели широкого хождения. Методология и выводы У. Айглера встретили серьезные возражения. Участники семинара указывали и на некорректность выводов о значении того или иного произведения в Античности, основанных на данных о его последующей судьбе, и на то, что причины, по которым текст не был переиздан во времена Каролингов, установлены быть не могут, а также на то, что успех И., их признание и распространение следует оценивать в сравнении с другими произведениями юристов. Кроме того, Д. Мантовани и Б. Стольтэ напомнили, что главная причина исчезновения И. (как, впрочем, и других сочинений знатоков права), главная причина того, что традиция столь резко обрывается в VI в., — это прямой запрет Юстиниана под страхом уголовного преследования при разрешении правовых споров опираться на то бы то ни было, кроме его кодификации или его собственных конституций (*Constitutio Tanta*. 19).

Лингвистический анализ позднеантичных комментариев к И. провел *Роландо Ферри* (Пиза), продемонстрировавший, в частности, дистанцию между языком Гая и языком опирающейся на него традиции. Рассуждая о соотношении И. и Институций Юстиниана, *Джованни Лукетти* (Болонья) проследил судьбу тех мест, где Гай цитирует императорские конституции или приводит мнения знатоков права, в частности сообщает о контроверзах между сабинианцами и прокулианцами. Анализ отдельных фрагментов позволил ему выявить несколько общих тенденций. При составлении Институций Юстиниана компиляторы не только отбрасывали устаревшие

ссылки и — в абсолютном большинстве случаев — снимали противоречия между школами, без каких-либо оговорок делая выбор в пользу одной из позиций. Как правило, ссылки на конституции и на мнения юристов, позаимствованные компиляторами из И., инструментализируются ими, превращаются в средство для акцентирования монополизации нормотворческого авторитета императором, подчеркивания роли юстиниановских конституций и вообще юстиниановских инноваций.

Пособие для изучающих Институции Юстиниана, подготовленное одним из их составителей профессором права (антецессором) Феофилом, «Парафраза» восходит к его курсу, прочитанному непосредственно после издания юстиниановского учебника в 533 г.н.э. Принимая во внимание сжатые сроки, отпущенные на обновление материала, и учитывая, что прежде основу преподавания составляли И. и что И. — один из главных источников Институций Юстиниана, следует исходить из того, что радикальная переработка курса маловероятна, и что «Парафраза» характеризуется определенной мерой преемственности по отношению к старому дидактическому инструментарию Феофила. В такой ситуации есть все основания предполагать, что в «Парафразе» Гая больше, чем в Институциях Юстиниана, или, иными словами, что Феофил использует И. не только в той мере, в которой они воспроизведены в императорском учебнике. И анализ источника эти предположения подтверждает. Насколько «Парафраза Институций» Феофила зависима от И. и как близко следует за ними? Можно ли восполнить по «Парафразе» лакуны Веронской рукописи? Отталкиваясь от критического анализа историографии, эти, а также некоторые другие вопросы, касающиеся, в частности, преподавания права на Востоке, разобрал *Бернард Стольтэ* (Гронинген). Хребет «Парафразы» образуют Институции Юстиниана, но наряду с ними в тексте немало самостоятельных или же инспирированных Гаем рассуждений автора. Кроме того, Б. Стольтэ отметил, что везде, где Институции Юстиниана опираются не на И., а на другие источники (например на *Res cottidianae* того же Гая), Феофил остается близок к юстиниановскому тексту, воздерживаясь от пространных экскурсов, отступлений, объяснений, которые так часто встречаются там, где императорский учебник следует за И. Вместе с тем отличить дополнения, навеянные Гаем, крайне сложно, поскольку при всем обилии заимствований из И. случаев простого перевода в «Парафразе» удивительно мало. Так, более или менее абстрактные положения И. Феофил, как правило, конкретизирует, иллюстрирует практическими казусами («если, например, ты и я...» и т.п.), приводит примеры.

Историю историографии о Гае до обнаружения Веронской рукописи в деталях реконструировал *Жан-Луи Феррари* (Париж). Он рассказал о дискуссиях вокруг встречающегося в источниках выражения «*Gaius noster*», вокруг вопросов ономастики, времени жизни Гая и его связей с Грецией. Ученый показал, как развивались представления о корпусе произведений Гая, о языке, объеме и структуре некоторых из них, а также — какие источники и как при этом использовались. В ходе дискуссии Д. Мантовани заметил, что лекция со всей очевидностью продемонстрировала, каких высот и в содержательном, и в методологическом плане достигла уже старая литература вопроса, во многих отношениях остающаяся вполне современной.

Обнаружение рукописи И. в 1816 г. и ее дальнейшая судьба тесно связаны с исторической школой права. Специалист по историографии римского права («Гай не мой источник. Гай — источник моего источника») *Кристина Ваньо* (Неаполь) рассказала о том, как реализовывалась исследовательская программа школы: об организации взаимодействия, сотрудничества между входившими в нее учеными, об их переписке, об инструкциях, содержавших четко сформулированные правила работы с юридическими рукописями, о распределении заданий, о сочетании научной и преподавательской деятельности, о воспроизводстве кадров, способных продолжать этот проект. Этот слаженный механизм («машина») не только был изначально настроен на поиск, но и оказался готов принять на себя работу по расшифровке и изданию рукописи такого масштаба, как И. Глава школы Ф.К. фон Савиньи играл при этом большую роль, но основные достижения следует приписывать не лично ему, а именно школе как коллективу ученых.

Особо задержавшись на подъеме и спаде интерполяционизма, экскурсию по истории источниковедения римского права провел *Мартин Авенариус* (Кёльн). На фоне общих линий эволюции юридической романистики он показал, как И., в действительности отражающие лишь одну из стадий развития одной из традиций, благодаря исторической случайности превратились в стандарт, образец, мерило классической литературы, по которому стали проверять принадлежность к классике других авторов и произведений. Обнаружение И. в 1816 г. привело к формированию искаженной картины однородного классического римского права, в восприятии и изображении которого систематическая оптика неоправданно возобладала над исторической<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Ср. Avenarius 2008.



## Литература / References

- Avenarius, M. 2008: Das «gaiozentrische» Bild vom Recht der klassischen Zeit. Die Wahrnehmung der Gaius-Institutionen unter dem Einfluß von Vorverständnis, zirkulärem Verstehen und Überlieferungszufall. In: M. Avenarius (Hg.), *Hermeneutik der Quellentexte des Römischen Rechts*. Baden-Baden.
- Dydynskiy, F. 1891: [Introduction]. In: Idem, *Institutsii Gaiya* [*The Institutes of Gaius*]. Warsaw, I–XL.
- Дыдынский, Ф. Введение. В кн.: *Институции Гая* (Текст и перевод Ф. Дыдынского). Варшава, I–XL.
- Fuhrmann, M. 1960: *Das systematische Lehrbuch. Ein Beitrag zur Geschichte der Wissenschaften in der Antike*. Göttingen.
- Knip, F. 1910: *Der Rechtsgelehrte Gaius und die Edikts-Kommentare*. Jena.
- Knip, F. 1911–1917: *Gai Institutionum commentarius*. Jena.
- Liebs, D. 2016: *Römische Provinzialjurisprudenz*. Freiburg. (<https://www.freidok.uni-freiburg.de/fedora/objects/freidok:10556/datastreams/FILE1/content>)
- Quadrato, R. 1979: *Le istituzioni nell'insegnamento di Gaius: omissioni e rinvi*. Napoli.
- Silvestrova, E.V. 2009: [Seventh colloquium “Collegio di Diritto Romano” — “Introduzione al diritto Bizantino (da Giustiniano ai Basilici)” (Pavia, 12–30 January 2009)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 203–205.
- Сильвестрова, Е.В. VII семинар по древнему праву «Введение в византийское право (от Юстиниана к Василикам)» (Павия, 12–30 января 2009 г.). *ВДИ* 3, 203–205.

Andrey M. Shirvindt,  
Lomonosov Moscow State University,  
Moscow, Russia  
andreyshirvindt@mail.ru

А.М. Ширвиндт,  
кандидат юридических наук,  
доцент кафедры гражданского права  
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,  
консультант Исследовательского центра  
частного права им. С.С. Алексеева  
при Президенте РФ, Москва, Россия

Vestnik drevney istorii  
77/1 (2017), 243–244  
© The Author(s) 2017

Вестник древней истории  
77/1 (2017), 243–244  
© Автор(ы) 2017

### ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ им. М.В. ЛОМОНОСОВА (Москва, 20–27 апреля 2016 г.)

20–27 апреля 2016 г. на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова состоялась ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения», в которой приняли участие сотрудники кафедры истории древнего мира — специалисты по истории древнего Востока, древней Греции и древнего Рима.

Пленарное заседание конференции открыл заведующий кафедрой истории древнего мира С. Ю. Сапрыкин, а затем в докладе «Античный театр в Херсонесе Таврическом» осветил историю раскопок театра и проанализировал археологические данные о его архитектуре и строительных особенностях. Докладчик пришел к заключению, что покровителем этого театра считался Дионис, предположив, что на сцене могли осуществляться постановки трагедий и комедий ведущих драматургов Эллады. В докладе был проанализирован сюжет обнаруженного при исследовании театра известнякового рельефа с изображением поверженного противника, которое ранее связывалось с амазономанией. Однако, как показал автор доклада, детали рельефа не оставляют сомнения в том, что он воспроизводит местный миф: убийство Персеем Ехидны — змееногой